

Эти слова ошарашили И Чжэ. Он застыл на пару секунд, но потом нагнал его.

— Нет, подожди, это не считается за упущенный шанс. Ты пытаешься выкрутиться. Ты только что сказал, что позволишь мне выбрать.

— И я позволяю, — Сюй Танчэнь остановился. — Что за бред ты несёшь?

— Это не бред, — слова И Чжэ шли прямо из сердца. Следующие его слова заставили Сюй Танчэня подавиться воздухом: — Ты даже просил меня об этом.

Их спор в общественном месте, кажется, обладал своим смущающим характером. Сюй Танчэнь не хотел обсуждать, были его слова просьбой или нет, он возразил:

— Кто заставлял тебя бояться?

— Я не боялся, — парировал И Чжэ. — Я уважал тебя.

Его голос не был громким, когда он произнёс это. Всё то время, что они спорили, даже когда И Чжэ возражал, тон его голоса оставался нежным и тихим. Но, возможно, из-за тишины вокруг трое девочек с шариками, стоявшие поодаль, одновременно повернулись в их сторону.

Сюй Танчэнь осмотрелся и случайно встретился с ними взглядом. Наступила минута неловкого молчания. Сюй Танчэнь вёл себя довольно спокойно — дёрнув бровью, под пристальными взорами девочек он поднял руку и потрепал И Чжэ по голове:

— Тогда хорошо, твой брат тебя понял.

Ему не удалось получить свою награду, и он даже попался другим людям на глаза. Более того, шанс, что ночью произойдет нечто важное, был весьма невелик. У И Чжэ не было настроения делать фотографии, и он всю дорогу приставал к Сюй Танчэню, постоянно спрашивая, согласится тот или нет.

Когда они подошли к пешеходному переходу, Сюй Танчэнь побоялся, что человека спереди собьет машина, и притянул его к себе. И Чжэ покачнулся от этого рывка, и, посмотрев на него, Сюй Танчэнь осознал, что на камере до сих пор горел красный огонёк.

— Ты не выключал камеру всё это время? — он указал на неё.

И Чжэ поднял руку, чтобы проверить, и ответил:

— Не-а.

Он использовал чужую камеру и сделал запись того, как они вдвоём обсуждали нечто столь непристойное. Это заставило Сюй Танчэня почувствовать себя неуверенно.

— Всё в порядке, никто не увидит это видео. Я скину его на другой носитель, когда мы вернёмся.

Но Сюй Танчэнь ещё несколько секунд молча смотрел на него, после чего протянул руку, чтобы поднять камеру, и специально придержал её.

— Держи её как следует, я собираюсь кое-что сказать.

— Хорошо.

На обочине, рядом с машинами, проезжающими мимо с включенными фарами, И Чжэ направил объектив на лицо Сюй Танчэня.

— Всё готово, можешь начинать.

Сюй Танчэнь сказал всего три слова, затем большими шагами направился в сторону торгового района:

— Даже не мечтай.

Тем, кто хотел увидеть фонари, был И Чжэ. Тем, кто всё ещё дулся после наблюдения за ними, тоже был И Чжэ. Сюй Танчэнь внезапно почувствовал себя виноватым перед ним — в конце концов, именно он дал И Чжэ выбрать место.

Не зашел ли он слишком далеко со своими поддразниваниями?

Он украдкой взглянул на И Чжэ. Увидев его разочарованное лицо, Сюй Танчэнь не мог не посмеяться про себя.

Как он мог так серьезно отнестись к его словам?

Молодой человек взял И Чжэ за руку и остановился. Указав на широкий лестничный марш поблизости, он спросил:

— Выглядит красиво, как ты думаешь?

И Чжэ услышал его и автоматически сфокусировал объектив камеры на том лестничном марше. Спустя пару секунд он сделал несколько шагов назад и повернулся к Сюй Танчэню.

— Поднимись туда, я тебя сфотографирую. Там хорошее освещение.

На ступеньках было много детей. Кто-то прыгал вокруг, кто-то сидел и болтал с другими; были и мальчик с девочкой, которые, размахивая руками, мчались вверх, чтобы посмотреть, кто прибежит первым.

Сюй Танчэнь поднялся по лестнице. Под его ногами сиял жёлтый свет, создавая ощущение растянутой начальной сцены из какого-то фильма. Зрители знали, что это будет хорошая история, но её истинное значение было скрыто, так что оставалось лишь гадать в предвкушении, ожидая продолжения.

И Чжэ позвал его, попросив повернуться, но Сюй Танчэнь продолжил взбираться наверх.

Оказавшись на середине лестницы, он обернулся и поманил И Чжэ рукой.

Тот не понял, но скоро подскочил к нему. Он стоял на ступеньку ниже Сюй Танчэня, поэтому разница в их росте оказалась почти незаметна.

Сюй Танчэнь слегка наклонился и забрал камеру из рук И Чжэ.

— Хочешь сделать фото?

Сюй Танчэнь кивнул. Он накинул ремешок на руку. Перед его глазами неожиданно появилась пара перчаток.

— Тогда надень перчатки, — И Чжэ, прося об этом, приблизился к нему, чтобы взять камеру, попутно вложив ему в руки перчатки.

Это была пара серых вязаных варежек с аккуратными стежками. Сюй Танчэнь не видел их раньше — должно быть, их купили совсем недавно.

— Они чистые. Я предполагал, что ты захочешь сам фотографировать, так что зашел в магазин и купил их.

Сюй Танчэнь подумал, что, может, так и было, только он не мог сказать, что почувствовал при этом.

— Тогда почему ты их не надел?

— Мне привычнее ходить без перчаток. Я ведь и в раньше не носил их, когда ходил в школу, помнишь? — И Чжэ вытянул руку перед собой, сжимая и разжимая пальцы, показывая их ему.

— У меня толстая кожа, я не замерзну. А вот ты — другой случай, мне кажется, что твои руки никогда не были тёплыми.

И Чжэ взял его за руку. И правда, его ладонь была горячей, как маленькое солнышко. Сюй Танчэнь вспомнил, как бабушка грела его руки, когда он был поменьше, и шутливо приговаривала:

— Нехорошо получится, если у сяо Танчэня будут холодные руки. Лучше пусть они будут тёплыми. Тёплые руки могут согреть и других.

Ему было восемнадцать лет. Каким он был удачливым!

Он собирался взять камеру совсем ненадолго, ему не хотелось, чтобы перчатки оказались пустой тратой денег, но он всё же надел их.

— Стой тут, — скомандовал он. — Я сниму тебя на видео снизу. Когда ты побежишь вниз, я включу запись.

И Чжэ слушал его, но не понимал, зачем ему бежать. Сюй Танчэнь до сих пор оставался в том же положении, слегка опустив голову, с перчатками, мягко облегающими кисти рук. Он поднял взгляд и улыбнулся И Чжэ, сказав:

— Пять секунд. Если за это время успеешь добежать до меня, тогда на свой день рождения сделаешь всё, что хочешь.

Поток информации оказался немалым. И Чжэ непонимающе смотрел перед собой. Тем временем Сюй Танчэнь забрал у него камеру, похлопал по плечу и спустился вниз. Пройдя мимо него, он добавил:

— Будь осторожен, тебе нельзя падать.

Когда он взбирался наверх, это была начальная сцена фильма; теперь же, когда он спускался, это была концовка, в которой не хватало разве что титров.

Не то чтобы Сюй Танчэнь хотел, чтобы И Чжэ что-то сделал. Он вдруг очень эгоистично захотел снять видео, где тот бежит к нему, объятый мягким светом. Только у подножия лестницы он вспомнил, что они не определились с сигналом для старта. Не имея желаний кричать, он достал телефон и позвонил ему. И Чжэ всё это время издалека глядел на него.

— Прежде чем начать, подними руку. Когда опустишь её, я начну запись.

— М-м, — согласился И Чжэ.

Даже на таком достаточно большом расстоянии Сюй Танчэнь чувствовал, что видит мерцающий свет в его глазах.

— И Чжэ, — Сюй Танчэнь назвал его имя очень нежно, даже интимно. Он не знал, хорошо ли его видит И Чжэ, но всё равно тепло улыбнулся. — Во-первых, не упади. Во-вторых, удачи и беги побыстрее. В-третьих... беги покрасивее, потому что я запишу это на видео.

— Ладно.

Его серьезный тон дал Сюй Танчэню абсолютную уверенность в исходе этого вызова.

— Танчэнь-гэ.

Он хотел повесить трубку, но И Чжэ позвал его.

— Сделай шаг назад, — голос И Чжэ по ту сторону экрана как будто немного ожил. Даже когда они спорили, его тон не был жёстким, но сейчас он был непоколебим, словно знамя, развевающееся на северном ветру. — Сделай ещё шаг назад, чтобы я смог тебя обнять.

Огни были океаном, звуки — необъятной вселенной. В объективе И Чжэ стремительно приближался, настолько, что, казалось, сейчас врежется в самую его душу, вызвав тем самым несдерживаемый ликующий крик.

Запись закончилась неистово трясущейся камерой, бетонной плиткой, ботинками, полами брук и двумя слившимися тенями, всё это слилось в захватывающий эпилог.

— Сколько секунд?

— Я не знаю.

Тело Сюй Танчэня было сковано парой крепких рук. Он отчётливо чувствовал его тёплое дыхание. Какая разница, сколько секунд прошло? Они будут идти всю его жизнь.

— Должно быть, меньше пяти, я бежал очень быстро, — в этот момент они были смелыми как никогда. Мимо них проходило так много людей, но никто из пары не собирался отпустить другого.

— Я мог сделать это, но не из-за договора, — И Чжэ крепче прижал его к себе. — А из-за тебя самого. Я очень быстро бегаю. До тех пор, пока ты согласен, не имеет значения, где ты стоишь — я всегда тебя обниму.

Слова любви, произнесённые кем-то в подростковом возрасте, были не словами любви, а, скорее, такими: «Прошлой ночью ты мне снился. Когда я с утра проснулся, пели птицы, а на столе стояла тарелка клубники. Я выбрал самую красивую ягоду, и, когда уже собирался положить в её рот, я внезапно захотел отдать её тебе. И так, несмотря на тысячи километров между нами, я принес её тебе».

Через плечо И Чжэ Сюй Танчэнь мог видеть лестничный марш. Когда он спустился, вокруг стояла пыль. Когда он остановился, туда всё ещё падал мягкий свет.

Восемнадцать лет.

Рука, которой Сюй Танчэнь вцепился в одежду И Чжэ, сжалась сильнее.

Оказывается, его молодой человек и правда вырос.

<http://bllate.org/book/13101/1158726>